

Ольга **М**атвеева

Ночные разговоры с ангелом / повесть

2008 год

Ольга Матвеева

Ночные разговоры с ангелом

«Автор»

2008

Матвеева О. А.

Ночные разговоры с ангелом / О. А. Матвеева — «Автор», 2008

Был октябрь. Темный, унылый, с жухлой листвой на газонах, с дождями, с мокрым, тусклым блеском ночного асфальта. Той осенью мне захотелось написать историю о том, как человек дошел до крайней степени отчаянья, а потом произошло нечто, и человек начал меняться, и жизнь его тоже начала меняться... Конечно же, к лучшему. Так и родилась повесть о прекрасной, но одинокой девушке Серафиме, которая решила поставить точку в своем земном существовании, но была спасена собственным Ангелом-хранителем. Словом, у меня придумалась очень радостная, трогательная, смешная и серьезная, немного сказочная история, которая заставляет читателя улыбнуться, задуматься и поверить в то, что жизнь в целом довольно приятная, хотя и непростая штука, в которой, бывает, случаются настоящие чудеса...

© Матвеева О. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

1	5
2	8
3	10
3	14
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Матвеева

Ночные разговоры с ангелом

Все подробности из жизни ангелов придуманы автором. Все совпадения случайны. Если в этой жизни вообще что-то бывает случайным.

1

Фиме казалось, что умереть просто. Ведь смерть – неотвратимая часть жизни.

Свою смерть она назначила на ночь с субботы на воскресенье – с утра не нужно было на работу. Стоял бесснежный, беспросветно унылый конец ноября. Причин для жизни и раньше было немного, а сейчас они одна за другой утонули в ледяной промозглой тьме конца осени. Фиме почему-то казалось, что смерть может быть красивой: она купила красное платье, о котором долго мечтала, но жалела на него денег и отчетливо понимала, что надеть его ей все равно будет некуда. Поскольку никаких расходов после смерти не предвиделось, Фима решила, что она может себе позволить это красное платье. К тому же она здраво рассудила, что отход в мир иной вполне достойный повод, чтобы надеть это прекрасное торжественное платье. Она вертелась в нем перед большим зеркалом в прихожей и любовалась собой. Она представляла себя на балу, танцующей вальс с элегантным господином в черном фраке. Она представляла, как он шепчет ей на ушко, мерцающее призрачной искоркой бриллианта, какой-то обольстительный вздор, а она, Фима, залиvisto смеется. Она была вызывающе красива в этом роскошном платье, и без него тоже, и в скромном сереньком свитерке и потертых джинсиках, которые обычно носила. Фима была вызывающе красива и столь же вызывающе несчастна в своем оглушительно нелепом одиночестве. Ничего глупее этого одиночества просто быть не могло. Фима была умна, добра, забавна, интересна, работоспособна. У нее был отменный вкус и обостренное чувство прекрасного. Она была так щедро одарена природой, она была столь хороша, что люди пугались этого совершенства. Она была зеркалом, отражающим их недостатки. Некрасивые видели в ней свое убожество, интриганы – свою бессмысленную возню, сплетники – свою зависть, обычные – свою заурядность. Все рядом с ней казалось мелким и незначительным. Начальники неохотно брали ее на работу, справедливо беспокоясь, что появление такого чуда внесет смуту в относительно ровный коллектив. Коллеги отчаянно завидовали и ее красоте, и ее способностям, их раздражала ее кротость и покладистость, на время они забывали распри и междуусобицы и объединялись в своем желании избавиться от добродушной красавицы, которая ничего плохого им не сделала, но являла собой свидетельство их несовершенства. К двадцати семи годам Фима не сделала заметной карьеры – она постоянно кочевала с места на место, нигде надолго не задерживаясь. Не обрела друзей – никто не мог вынести ее безупречности. Никого не любила, и никто не любил ее. Ни один мужчина так и не решился взвалить на себя груз ответственности за это неземное создание. При первом же взгляде на Фиму становилось ясно, что она не годится ни для легкого флирта, ни для необременительных, ничего не значащих отношений. Сразу было понятно, что эту девушку можно только полюбить. Безвозвратно. Раз и навсегда. Смельчаков не нашлось. Фима была оглушительно одинока. На исходе ноября своего двадцать седьмого года жизни она решила умереть. Перед смертью Фима решила исполнить одну свою потаенную мечту – напиться коньяку. Напиться в хлам, до поросячьего визга, до беспамятства, до непотребства. Так, чтобы потом было невыносимо стыдно. Хотя, никому не известно, испытывают ли чувство стыда мертвецы: сразу после коньяку Фима намеревалась выпить пригоршню таблеток снотворного. Фима была девушкой крайне несовере-

менной, алкогольные напитки употребляла редко и в крайне несерьезных количествах: только по очень большим праздникам, со своими родителями, когда удавалось к ним выбраться, или они навещали ее, она выпивала по бокалу сухого красного вина или шампанского. Самого лучшего. Отец часто говаривал, что нет ничего страшнее пьяной женщины, смотрел в Фимины огромные чистые зеленые глаза своими мудрыми опытными зелеными глазами и наставлял: «Дочка, не смей пить, не огорчай меня». И этот родительский запрет почему-то был сильнее соблазнов. Когда в магазине ей хотелось купить бутылку вина, она представляла осуждающий и разочарованный взгляд отца и проходила мимо прилавков с алкоголем. А перед смертью решила напиться. Вся ее жизнь складывалась из родительских запретов и правил, которые она не осмеливалась нарушать: не клади локти на стол, мой руки перед едой, не гуляй допоздна, питайся правильно, не кури, не целуйся без любви, не спи с мужчинами до замужества, выби-рай мужа раз и навсегда, не лги без необходимости, будь порядочной. . . Родители жили далеко. За горами, за долами. В большом сибирском городе. И были они состоятельными людьми и в стародавние времена, и в новейшие. А в новейшие-то, пожалуй, и еще больше разбогатели. И еще в детстве Фима была изгоем: не любили ее за красоту, доброту и деньги родителей. Фима уехала из родного дома, из родного города, в надежде, что там за горами, за долами, в чужом краю, в европейской части России, сможет она начать новую жизнь, и новым людям сможет она понравиться, и сможет она стать самостоятельной и сама чего-то достичь. Ничего не вышло. Так и осталась она изгоем. И просторную квартиру купили ей родители. И машину. И деньги на билеты до исторической родины давали ей они, и заваливали подарками, и отправляли на курорты, чтобы смогла она оправиться от очередной карьерной неудачи, и звали ее вернуться, и предлагали работу в своей процветающей фирме. А Фима все упрямилась, все артачилась, все говорила: «Я сама, я сама». Сама зарабатывала только на очень скромную жизнь. И платье, которое безумно нравилось, смогла позволить себе только перед смертью.

Выбор города, куда Фима сбежала от родителей и от судьбы, был странен и был закономерен. В этом небольшом городе на Волге когда-то давно, почти еще ребенком, обитала бабушка Фимы. Недолго. Во время войны. В эвакуации. От бабушки внучке досталось имя Серафима, что значит огненная, пламенная. Шестикрылая Серафима. Забавно. Попробуйте пожить с таким именем в XXI веке. Фима знала, что была такая святая – дева Серафима, монахиня. Прославилась она исключительной набожностью и праведностью. Бабушка Фимы особой набожностью не отличалась, а вот праведность ее была достойна легенд. Жаль только, что некому было их сложить. Если бы Фима не была уверена, что непорочное зачатие невозможно, или возможно только в исключительных, божественных случаях, она бы думала, что отец ее появился на свет именно таким, нетривиальным способом. Дедушку своего Фима не знала, как не знал его и ее отец. Иногда Фиме казалось, что его никогда и не было. Бабушка говорила, что дедушка умер молодым от какой-то неизлечимой болезни, когда ее сын был совсем маленьким. С тех пор она была одна. Она больше не выходила замуж. Не была замечена в каких бы то ни было отношениях с мужчинами, кроме дружеских и деловых. Бабушка Серафима была врачом-педиатром. Где бы она ни жила, ее квартира неизменно осаждалась соседками, которые просили посмотреть их детишек. Она делала уколы, советовала лекарства и просто утешала. Ссужала друзьям последние деньги в долг, зная наверняка, что их никогда не вернут. Она всегда умела сказать нужное слово или промолчать вовремя. Ее считали ангелом. Ее любили. Она и была ангелом, шестирукой Серафимой, которая успевала помочь всем, кроме себя. Отец иногда говорил Фиме про бабушку: «Вот пример достойной жизни, вот пример для подражания, учись, Фима!». Умерла она достаточно рано, когда было ей немного за шестьдесят, а Фима была еще подростком. Могла бы еще жить да жить. Умерла от неизлечимой болезни, как и дедушка. Врачи потом сказали, что ее можно было бы спасти, если бы вовремя обратилась. Она, наверняка, и сама все знала, да не захотела спасаться. Иногда она говорила, что очень устала. Спешила она на небеса к своим шестикрылым собратьям. После похорон отец задум-

чиво и обреченно посмотрел на Фиму и тихо сказал: «Зря я назвал тебя ее именем. Непростое это имя. Не досталась бы тебе ее судьба». Фима ничего не поняла, сердечко кольнуло смутной тревогой. Она долго не могла смириться со смертью бабушки. Это была первая смерть в ее жизни. И долго Фиме еще казалось, что придет она из школы, и квартира встретит ее запахом борща и домашних печений, что из кухни выйдет бабушка в переднике, вытирая руки полотенцем, и скажет строго: «Переодевайся, мой руки и марш обедать». Но теперь Фима приходила в пустую квартиру, отпирала дверь своим ключом. Здесь витали разные запахи: и маминых духов, и отцовского одеколona, и подвявших роз, и пыли, и книг, да мало ли чего еще, только не было больше запахов борщей и домашних печений и не было тихого, уютного запаха бабушки. Он жил только в старом бабушкином платке и халате, которые родители не стали выбрасывать – на память. Фиме казалось странным, что человек давно истлел в земле, а вещи покойника все еще хранят его запах. Ей казалось несправедливым, что вещи живут дольше людей. Она мечтала изобрести эликсир вечной жизни. Не изобрела. А теперь вот хотела умереть раньше положенного ей срока. Добровольно. Скорее самовольно. Этот бунт должен был стать первым серьезным бунтом в ее жизни. И последним.

2

В ту последнюю субботу Фима проснулась поздно. Сладко потянулась, лежа в постели, встала, раздвинула шторы – шел снег. Зыбкое белое покрывало припорошило землю, и мир уже не казался таким уж безрадостным. Фима выпила кофе, который раньше никогда не пила, потому что мама всегда говорила, что кофе вреден для здоровья, а также для цвета лица и зубов. Кофе был вкусный, ароматный. Фима съела две пышных булочки с маком и помадкой, купленных вчера вечером. Они были восхитительны. Булочки Фима не ела уже лет пять, потому что мама как-то сказала, что она начала поправляться и пора бы уже прекратить все эти высоко калорийные излишества, потому что фигура может необратимо испортиться. Утро было прекрасным. Умирать не хотелось. И все же Фима около четырех часов дня решительно намазала лицо кремом – мама часто любила повторять, что выйти на улицу без крема на лице все равно, что выйти босиком на мороз, накинула свою нарядную норковую шубку, подаренную папой, и отправилась в магазин делать необходимые приготовления. Она купила вяленой воблы. Ей всегда хотелось ее попробовать, но мама говорила, что есть соленое, в целом, вредно, а воблу, в частности, как-то по-плебейски. Мама говорила, что вобла – дешевое удовольствие пролетариата. Еще Фима купила бутылочку пива. Пива она тоже ни разу не пробовала. Папа говорил, что с бутылочки пива в хорошей компании и начинается алкоголизм. А в жизни Фимы не было ни хороших компаний, ни пива, значит, алкоголизм ей не грозил. Еще Фима купила сырокопченой колбасы, семечки, маринованные огурчики, сок в пачке и гамбургер – все это было в списке запрещенных продуктов. Поколебавшись, положила в корзину пачку сигарет – должна же она и это попробовать. И, конечно же, приобрела бутылку коньяка. Потом в одной аптеке она купила три упаковки снотворного и еще две в другой – чтобы не вызвать подозрений. Потом она купила два букета кал. Не удержалась и прихватила еще огромный букет белых хризантем – цветов поздней осени. Дома Фима поставила цветы в жизнерадостные вазы из муранского стекла. Постелила на стол льняную кружевную скатерть, которую мама привезла из Гента и подарила со словами, что в приличном доме для гостей нужно прилично сервировать стол. Гости в Фимином доме не было. И сегодня был дебютный выход парадной бельгийской скатерти, ведь в гости должна была заглянуть смерть. На стол Фима поставила тарелки из белого английского фарфора, в пене хрупкой золотой каймы. Тоже подарок мамы на совершеннолетие. Выложила серебряные приборы – подарок папы на один из дней рождения. Таблетки она положила в изящную розетку. Фима красиво разложила запретные продукты на английском фарфоре. Коньяк перелила в причудливый хрустальный графинчик. Фима не знала, куда перелить пиво – подходящей емкости у нее не было, поэтому она просто поставила бутылку на стол. Не было у нее и стаканов для пива, поэтому Фима решила выпить его совсем уж бунтарски – из горла. Проблемы возникли с воблой – Фима не умела ее чистить. Но все же ей это удалось. Потом Фима долго не могла отмыть руки. Ей не хотелось умирать с руками, пахнущими рыбой. Но потом она решила, что это совершенно не важно. Фима долго и тщательно наносила макияж, делала прическу. Надела свое фантастическое красное платье. Снова залюбовалась своим отражением в зеркале и снова представила себя кружащейся в вальсе с важным господином во фраке и привычно спросила неизвестно кого: «Ну почему я одна? Почему?». И снова не получила ответа. Фима зажгла небольшую хрустальную люстру над столом, погасила остальное освещение и в поблескивающем золотом и серебром полумраке позвонила единственному человеку в этом городе, который относился к ней с определенной долей симпатии. Это была страшенькая и вечно несчастная Леночка. Что-то вроде подруги. Она звонила Фиме два в неделю и выплакивала ей свои неприятности. Леночка, кажется, даже не замечала, что Фима красавица, идеальная женщина с большой квартирой и большой машиной. Леночка, кажется, не замечала Фимину великолепную внешнюю оболочку, а глядела куда-то внутрь и видела там

одинокую, смятенную, испуганную душу. Еще более несчастную, чем ее собственная. Так вот Леночкин номер и набрала Фима, и таинственно сказала, что если не позвонит через два дня, пусть Леночка к ней заглянет и на всякий случай прихватит запасные ключи от Фиминой квартиры, которые хранились у Леночки.

– А что случилось? – сердобольно поинтересовалась Леночка.

– Да, ничего страшного – приболела немного, ты же знаешь, когда ты одинок, в голову лезут разные глупости, что если вдруг умрешь, твой разложившийся труп найдут только через полгода, когда соседи уже не смогут выносить страшную вонь.

– Ну и шутки у тебя!

– Извини, это, действительно, просто мрачная шутка – мне очень нехорошо, думаю, я поправлюсь, но на всякий случай все же загляни ко мне через два дня, если я не позвоню.

– Хорошо. – Рассеянно ответила Леночка.

«Даже помочь не предложила, – горько подумала Фима, – если бы хотя бы поинтересовалась, чем я болею, может, я бы решила пожить еще. Но она не поинтересовалась. А я тоже хороша, какую роль я ей приготовила – возиться с моим трупом».

Повздыхав пару минут, Фима уселась писать прощальные письма своим каллиграфическим, правильным и занудным почерком. Первое она адресовала Леночке. В нем она извинилась за свое безответственное поведение, объяснила, что ей просто больше не к кому обратиться после смерти. Дальше шли телефоны ее родителей и ритуальных служб. К письму были приложены четыре хрустящие розовые бумажки по пятьсот евро – все Фимины сбережения. Этого должно было хватить и на похороны, и на моральную компенсацию. Письмо родителям было длиннее – она умоляла ее простить и пространно объясняла, что так жить больше не может, что устала от одиночества, пустоты и бессмысленности существования и снова, и снова умоляла ее простить. Когда с письмами было покончено, Фима приступила к последней трапезе. План был таков: сначала Фима наедается и напивается, а потом начинает травиться. Пиво оказалось невкусным, а вобла – великолепной. А вот пиво с воблой – весьма недурственным сочетанием. Наверное, действительно, было весело пить пиво с воблой в хорошей компании. Жаль, что Фима никогда уже этого не узнает. Потом последовала дегустация сырокопченой колбасы и маринованных огурчиков, гамбургера и семечек. Все было так невыносимо вкусно. Все это кулинарное безобразие обильно запивалось коньяком и апельсиновым соком из пачки. Коньяк Фиме понравился. Настолько понравился, что она пила один бокал за другим. Фима включила радио. Она подпевала хитам и танцевала, как заведенная. Время шло к полуночи, коньяк заканчивался. Фима была пьяна. В хлам, именно так, как и хотела. И ей не было стыдно перед мамой и папой. Когда она уплетала очередной кусок колбасы, ее взгляд с трудом сфокусировался на розетке, в которой лежали таблетки снотворного. Фима вспомнила, что собралась умирать.

– Сейчас, чаю еще попою напоследок и приступлю. – Обреченно сказала себе Фима и вихляющей, нетвердой походкой поплелась на кухню...

3

Фима открыла глаза. Она ожидала увидеть геенну огненную или райские кущи. Впрочем, как и любой нормальный человек, она не знала, как выглядит ни то, ни другое. Но надеялась догадаться. То, что она увидела, не было похоже ни на ад, ни на рай. Все очень напоминало ее собственную кухню. Вид снизу. Фима лежала на холодных плитках пола.

– Я что, жива? – пронеслась мысль. Потом пришла боль – раскалывалась голова. – Наверное, это похмелье, – догадалась Фима.

Потом Фима заметила ноги, предположительно мужские, одетые в белые мятые льняные брюки и белые кроссовки. Фима испугалась, замерла. Она не знала, что делать. Ноги вели себя совершенно спокойно и невозмутимо.

– Как-то странно, – подумала Фима, – на дворе практически зима, а этот непонятный кто-то ходит в льняных брюках и летних кроссовках. Вдруг экспозиция стремительно сменилась: вместо ног под столом появилось лицо. Лицо было молодое, определенно мужское, но обрамленное какими-то несерьезными белобрысыми кудряшками, глаза были огромные, голубые и лукавые, губы расплылись в добродушной улыбке, обнажив неправдоподобно белые крупные зубы, похожие на жемчужины из мамино ожерелья. Лицо было такое невинное и так напоминало любимую Фимину игрушку из детства – очаровательного белого барашка, что она даже не испугалась, но на всякий случай закричала истошно и пронзительно, а незнакомец расхохотался.

– Очнулась, самоубийца, – произнес он неожиданно низким голосом, – давай вылезай из-под стола.

– Не вылезу. Я тебя боюсь.

Незнакомец снова расхохотался.

– А ты не такая уж зануда, как мне всегда казалось – умеешь врать, правда, не очень убедительно. Не боишься ты меня ни капли. Нельзя же бояться человека, который напоминает тебе твою самую любимую игрушку, без которой ты не могла уснуть, и рассказывала по секрету все свои маленькие детские тайны. Ладно, я добрый, давай разговаривать под столом, раз тебе так удобнее. А то вылезла бы, выпила зеленого чаю, может, голова бы меньше болела. Поздравляю с первым похмельем, кстати. Не бог весть какое событие, конечно. Прямо скажем, сомнительной ценности событие, но все, что происходит в первый раз, имеет определенную ценность. – Он с блаженным выражением на смешной физиономии посмотрел куда-то в дубовые своды стола, видимо, вспоминая что-то приятное, потом резко перевел взгляд на Фиму. – Ой, извини, увлекся, – оборвал он сам себя, – люблю, знаешь ли, пофилософствовать, только желающих послушать почему-то нет. Ой, а вот теперь точно вижу испуг в твоих глазенках. Ммм, а как хороши глазенки! Как им идет испуг, этот священный трепет! Был бы мужчиной, точно бы влюбился.

– Ты кто? – дрожащим голосом спросила Фима. – Откуда ты так много обо мне знаешь?

– Я знаю о тебе не просто много. Я знаю о тебе все. – Сказал незнакомец торжественно и придал своему лицу значительное выражение. Это выражение так нелепо выглядело на его забавной физиономии, что Фима не удержалась и невоспитанно хихикнула.

– Ну вот. Сразу смеяться, – огорчился незнакомец, – ну люблю прихвастнуть, могут же и у ангелов быть свои слабости? Ах да, я не представился: я – ангел. Твой ангел-хранитель. Имя у меня сложное. Я сам не вспоминаю его с первой попытки, да и нельзя нам, ангелам, открывать смертным свои истинные имена. Не спрашивай меня почему, я и сам толком не знаю. Все эти дурацкие правила писались столько тысячелетий назад, что уже никто толком и не помнит причинно-следственных связей. Но все знают, что называть свои истинные имена категорически нельзя. По сему зови меня просто Васей. Да, вот так: я – твой ангел-хранитель

Вася. Уффф, – облегченно вздохнул ангел Вася и утер невидимый пот с чистого ясного лба, – ну вот, представился. Ой, каламбур какой получился! – обрадовался он собственной шутке. – Терпеть не могу все эти светские церемонии. Они так утомляют.

Фима вылезла из-под стола. Вася тоже вылез. Фима нажала на кнопку электрического чайника, тот загудел, как всегда, недовольно.

– Я определенно жива, – размышляла она, – видимо вчера до таблеток дело так и не дошло, горькие пьяницы засыпают под забором, а рухнула под стол. Так, я жива, я в своей квартире, на своей кухне, а кто этот клоун?

– И позвольте вам заметить, барышня, – обиженно отозвался на ее мысли Вася, – что никакой я не клоун.

Фима вся сжалась:

– Ни о чем не думать, ни о чем не думать, – мысленно приказывала себе она, – этот псих умеет читать мысли. Боже, во что я вляпалась? Лучше бы я умерла. Ни о чем не думать, ни о чем не думать... черт, почему не получается ни о чем не думать? Черт, черт, черт...

– В моем присутствии прошу не выражаться! – назидательно произнес Вася. – Пред ней ангел стоит во всей своей непорочной красе, а она этих негодяев из вражеского стана поминует. Нехорошо, барышня, нехорошо. Ая-яй. Как ты могла? – Вася даже пальцем погрозил в праведном возмущении.

– Ангелов не бывает! – выкрикнула отчаянно Фима.

– Приехали, – удивился Вася, – а я тогда кто?

– А ты – псих, который неизвестно зачем залез ко мне в дом. Может, ты обыкновенный грабитель? Да, обыкновенный грабитель. Может, ты меня ограбил? Я вот сейчас посмотрю, все ли на месте! – Фима кинулась в гостиную. Четыре розовых бумажки достоинством в пятьсот евро все также лежали поверх прощальной записки, адресованной Леночке. Фима бросилась к шкафу, порылась в одном из ящиков – драгоценности тоже были на месте. – Не грабитель, – рассеянно резюмировала она.

– Насильник, – подсказал Вася и порочно улыбнулся, он тоже уже был в гостиной, валялся на диване и с усмешкой наблюдал за Фимиными манипуляциями. – Воспользовался твоей беспомощностью, пока ты пьяная валялась под столом.

Фима устало опустилась в кресло.

– Ну, серьезно, кто ты и что тебе от меня нужно? – взмолилась она.

– Вот дуреха! Говорю же, я твой ангел-хранитель.

– Ангелов не бывает, – уже не очень уверенно возразила Фима и почему-то добавила, – и Дедов Морозов тоже.

– Ты же сама знаешь, что бывают. Ты же даже разговаривала со мной в детстве. Ну, ты-то, конечно, думала, что говоришь со своим барашком, но на самом деле говорила со мной. Между прочим, это я нашептал твоей маме на ушко, когда она выбирала тебе подарок ко дню рождения, чтобы она купила этого барашка. Мне показалось, что он похож на меня. А помнишь, когда ты с папой и мамой попала в автокатастрофу? Машину тогда разнесло вдребезги. А на вас не было ни царапины, так, пара гематом. Помнишь, тогда все еще говорили, что вас спасло чудо. Между прочим, так оно и было. Мы тогда с коллегами, ангелами-хранителями твоих родителей, оперативно сработали. Это самый выдающийся пример. А сколько было разных мелочей, которые я и сам уже не помню. А помнишь, как ты опоздала на свидание с Мишкой Ивановым? Тоже была моя работа. Я тогда специально запрятал твои бусы. – Гордо сказал Вася.

– Ну ты и подлец! Это был единственный мальчик, который пригласил меня на свидание, а ты меня не пустил. А, может, это была любовь всей моей жизни? Может, это из-за тебя я сейчас так одинока?

– Н-да, любовь всей твоей жизни? Во-первых, если бы это была настоящая любовь, я бы не смог тебя остановить. Во-вторых, я-то знал, что Мишка поспорил на ящик пива со своими друзьями, что соблазнит тебя в первый же вечер. Соблазнит первую красавицу школы. Это должно было упрочить его репутацию. А ты взяла, да и не пришла. Он стал посмешищем. Ему еще и деньги пришлось украсть у родителей, чтобы купить проспоренный ящик пива. Кстати, знаешь, где сейчас твой Мишка?

Фима покачала головой.

– Работает учителем физкультуры в вашей школе. Недавно развелся. Знакомится в клубах с девицами и врет им, что он крутой боксер, чемпион России и зарабатывает кучу бабок. Я с его ангелом-хранителем как-то пересекался, когда ты в гости к родителям ездила, говорит, что устал непутевого Мишку из разных передраг выручать, зато живет нескучно. Ну, теперь ты веришь, что я ангел?

Фима пристально посмотрела в Васины голубые лукавые глаза.

– Теперь верю. – После продолжительной паузы сказала она. – Глупо, конечно, но я верю. Правда, не понимаю... Вы же невидимые, вроде. А почему я тебя вижу? Почему столько лет я тебя не видела, и вдруг ты являешься передо мной вполне видимый со своими наивными кудряшками и в мятых штанах?

– Зануда, истинная зануда. Это же льняные штаны, они не могут быть немятыми. А видимым я стал, потому что мое начальство решило, что для твоего спасения нужны радикальные меры.

– И от чего или от кого меня нужно спасать? – Удивилась Фима. – У меня, вроде, все хорошо.

Вася снова расхохотался.

– А ты, оказывается, такая забавная в общении. И почему я раньше этого не замечал? Может, у тебя достойных собеседников не было, таких, как я? – призадумался Ангел. – Так вот, о чем это я? Ах, да! Ты же вчера травиться собиралась и при этом утверждаешь, что у тебя все нормально?

– Ну, собиралась, подумаешь? Не отравилась же. Кстати, это не ты нашептал мне на ушко отличную идею напиться коньяка и сорвал мне такое блестяще организованное самоубийство?

– Я. – Вася даже покраснел. – Понимаешь, скажу тебе по секрету. По очень большому секрету, – Вася перешел на шепот. – Сам мечтаю напиться, лет уже пятьсот, шестьсот, не помню точно. Но положение обязывает, знаете ли. Да и не приспособлен мой организм, если это можно так назвать, для приема алкоголя. – Вид у Васи был трагический. Фима смеялась. – Вот я и решил – убью двух зайцев сразу. Через тебя осуществлю свою мечту, ну напьюсь, то есть, а то вечно попадаются мне трезвенники какие-то, а заодно и спасу тебя. Думаю, напьешься, с непривычки отключишься и останешься жива. Ты хотя бы представляешь, что ждало бы меня после твоей смерти?

– Понятия не имею.

– Мне вlepили бы строгий выговор, за то, что я не уберег свой объект. Ну, мы так своих подопечных называем. У нас ведь тоже есть профессиональный сленг. Между прочим, это бодигарды у нас это словечко заимствовали, а вовсе не наоборот, как ты могла подумать. Потом меня отстранили бы от работы лет на двести, отправили бы на долгосрочные курсы усовершенствования ангелов, а потом бы опять подсунули пищащего младенца. И мне снова пришлось бы следить, чтобы он не падал с кровати, не совал в рот всякую дрянь, не лез в кипяток, прятать от этого милого создания спички. А потом бы он снова вырос правильным и непогрешимым, и я выл бы с ним от скуки, а потом он захотел бы повеситься, отравиться или что-то в этом роде, потому что ему с собой тоже было бы невыносимо скучно. Мне все время такие типы достаются.

– Почему только такие? Вы что, как и люди, какие-то кармы обрабатываете?

– Если бы. Просто у нас шеф большой шутник. Таким обаятельным весельчакам и шалопаям вроде меня он дает приглядывать за... – Вася осекся. – В общем, за такими обаятельными, добрейшими людьми как ты, для которых самый страшный грех в жизни – однажды не сделанное домашнее задание по математике в третьем классе, а самое большое событие – получение красного диплома или защита кандидатской диссертации. Ну или там, развод, когда доведенные до отчаянья правильностью объекта муж или жена сбегают с первым попавшимся заезжим гастролером куда глаза глядят. А вот добропорядочным ангелам он выделяет хулиганов, аферистов, мошенников, убийц. Ты представляешь, как мы мучаемся?

– А кто ваш начальник?

– Простым смертным это знать не положено. – Важно ответил Вася. Кстати, у тебя чай, наверное, остыл, надо бы выпить чаю-то.

Фима послушно поплелась за чаем, по пути ухватила за вздорный хвост мысль, что желание выпить чаю и поход на кухню вчера спасли ей жизнь. К ней еще не пришло осознание, что ее жизнь – это не хаотичное нагромождение случайностей, собственных планов, планов ее родителей или кого-то еще. Она так сразу не могла проникнуться мыслью, что по жизни ее кто-то ведет, неосяземо держа за ручку, неслышно нашептывая что-то на ушко, направляя, спасая и поддерживая. Она не мола смириться с мыслью, что мы не кузнецы своего счастья и несчастья тоже и не хозяйева своей судьбы. Хотя ей, конечно, смешно рассуждать на эту тему, она ведь никогда и не поступала так, как ей хочется. За нее всегда все решали. Только один раз она совершила самостоятельный поступок – уехала из родительского дома. А сейчас она начала подозревать, что и это решение было чьим-то чужим – коварный Вася, наверняка, подсунил ей эту гениальную мысль.

Фима вернулась с чаем в гостиную. Ангел лежал на диване, свернувшись калачиком, и был похож на купидона-переростка, какими их рисовали итальянские художники эпохи ренессанса. В Фиме даже проснулось что-то такое – материнское, теплое, заботливое, жалостливое.захотелось даже укрыть его одеялком. Но вместо этого она сурово спросила:

– Про побег от родителей ты придумал?

– Я, – ответил ангел покаянно, – надо же, догадалась. Мне так хотелось, чтобы ты, наконец, начала жить по своим правилам, а не навязанным тебе родителями.

– По своим? У меня сложилось впечатление, что ты захотел, чтобы я начала жить по твоим правилам. Как вы меня все достали со своей заботой. Я же достаточно умна, чтобы понять обратную сторону вашей заботы. Вам так удобнее, а на мои чувства вам плевать. Просто плевать.

– О! – восхитился Вася, – мы умеем проявлять эмоции! – Он как-то засуетился, засобирался. – Выкини, пожалуйста, таблетки в унитаз, чтобы я видел. Чтобы я был уверен, что ты опять чего-нибудь не натворишь. – Фима поплелась в туалет и выкинула таблетки. Себе она сказала, что делает это по собственному желанию, потому что умирать теперь уже точно не хотелось – жизнь, кажется, начинала становиться интересной. – Вот и умница, – скороговоркой проговорил Вася, когда Фима вернулась. – Теперь я могу со спокойной совестью тебя оставить. Меня терзают предчувствия, что ты хочешь остаться одна. Не буду вам мешать. Ах, да! Чуть не забыл! – Вася щелкнул пальцами, и плотные шторы на окне раздвинулись сами собой. – Добро пожаловать в реальный мир. Будем учиться жить! – В комнату хлынул дневной свет, а Вася исчез. – И еще, – донесся откуда-то его голос, – не удивляйся чудесам.

3

Ночью Фима спала плохо – все думала о превратностях судьбы, ангелах, праведниках и своем месте в этом мире, который еще недавно казался ей относительно понятным. Уснула только под утро. Когда она открыла глаза, было как-то подозрительно светло. Фима поняла, что она в первый раз в жизни проспала и, кажется, в первый раз в жизни опоздала на работу.

– Н-да, Вася, спасибо за предупреждение – чудеса начались. – Крикнула Фима вслух не известно кому, выбралась из постели и направилась на поиски телефона. После продолжительных поисков он почему-то обнаружился в холодильнике. – Да уж, чудеса, так чудеса. – Ворчала Фима.

Она позвонила на работу начальнице, что соврать она так и не придумала, и поэтому честно залепетала:

– Светлана Васильевна, извините, мне жутко неудобно, но я проспала, извините. Ночь выдалась беспокойная. Я скоро подъеду.

– Ты, наконец-то, начала весело проводить ночи? – удивилась Светлана Васильевна. – Давно пора, девочка моя. А то не человек, а ангел какой-то сизокрылый. Ладно, оклемаешься, приезжай.

Фима минут пять стояла с трубкой в руках и слушала короткие гудки. Она не могла понять: вроде она провинилась, нарушила трудовую дисциплину, а начальница чему-то обрадовалась. Безумие какое-то.

Фима работала в одном почти глянцевом журнале менеджером по рекламе. До этого она успела поработать еще в паре газет и журналов, на телевидении, трех радиостанциях и рекламном агентстве. Другой работы при своем высшем филологическом образовании она найти не могла. Работа ей не нравилась, она работе тоже. Впрочем, несколько постоянных клиентов у Фимы все же было: в основном дамы предпенсионного возраста, крепкие предприниматели средней руки, которые понимали, что уже поздно завидовать чужой молодости и красоте – у них были другие ценности. Фиму они считали милой ответственной девочкой. Зарабатывала она больше своих коллег, что тоже не добавляло ей популярности.

В журнале, где сейчас удобряла скудную рекламную почву Фима, ее, как обычно, не любили, но не любили как-то очень апатично. Просто старались не замечать. Или на самом деле не замечали. Коллектив был дамским, все были замужем, у всех были дети. Интриги не практиковались и не поощрялись начальством. Это был самый спокойный коллектив из всех, где работала Фима. Здесь она чувствовала себя почти комфортно.

После утреннего Фиминого звонка Светлана Васильевна за чашкой чая поделилась с парой коллег открытием, что эта Фима, точнее Фифа, как они ее называли, эта чопорная и высокомерная наследная принцесса, оказывается, нормальная девка. Сегодня, вон, опоздала, потому что проспала, как все нормальные люди, а ночью, небось, пила до потери сознания или еще чем занималась, а, скорее всего, и то, и другое. Коллеги понимающе покивали головами и тоже пришли к выводу: Фима никакая не фифа, а обычная баба.

Когда Фима, наконец, добралась до места службы, все с ней здоровались как-то непривычно приветливо. Даже редакторша Шурочка, вторая незамужняя дама в коллективе, которая ненавидела Фиму больше всех, потому что тоже была недурна собой и Фиму считала своей самой злейшей конкуренткой, посмотрела на нее с интересом. Она не поздоровалась, не снизошла даже до кивка головы, но посмотрела.

– Как твоя голова? – участливо поинтересовалась Светлана Ивановна. – Может, тебе таблеточку дать?

Фима хотела уже было отказаться, но тут услышала легкий шорох в своем ухе, который непостижимым образом сложился в слова: «бери, поблагодари и добавь: «голова просто раскалывается после вчерашнего».

– Ой, спасибо, – сказала Фима тем особым подчеркнuto вежливым, доброжелательным голосом, каким обычно разговаривала с родителями по телефону, клиентами и начальством. – Так кстати, у меня голова после вчерашнего раскалывается, а таблеток нет. Вы меня прямо спасаете.

Светлана Васильевна расплылась в улыбке.

– Чудеса! – в который раз за день подумала Фима.

Она решила закрепить результат и направилась к Шурочке.

– Шура, – заискивающим тоном произнесла Фима и униженно посмотрела ей в глаза, – я попала в безвыходную ситуацию – за выходные потратила все деньги, все, до последней копейки. Что-то на меня нашло. У меня было такое ужасное настроение, мне так одиноко было, что я накупила какой-то ерунды, а потом напилась. Теперь мне не на что даже купить себе кефира на ужин. Пожалуйста, одолжи пятьсот рублей до зарплаты. – Самое забавное, что Фима даже не соврала. По большому счету все так и было. Умолчала только о постыдной неудавшейся попытке самоубийства.

Шурочка так удивилась, что безропотно полезла в свой кошелек и протянула пятисотрублевую купюру. Потом, конечно, пожалела, задумалась о том, что никто на предприятии не знает кредитной истории этой фифы Фимы, потому что она ни разу ни у кого не просила в долг. Потом успокоила себя, что Фима, вроде, порядочный человек, к тому же она, Шурочка, в любом случае отберет свои деньги у кого угодно. А потом она начала размышлять, что эта надменная красавица такая же одинокая, как и сама Шурочка, и в сотый раз грустить о том, что все ее подружки повыходили замуж, разъехались по обеим столицам, а Шурочка почему-то застряла в этом унылом городе, все не решалась уехать и в результате осталась совсем-совсем одна. Ей не с кем было ходить на вечеринки, не с кем было путешествовать, а иногда не с кем было даже поговорить. Шурочка не подозревала, до какой степени ее жизнь похожа на Фимину.

Весь день Шурочка была какая-то взвинченная, много и нервно курила, а к окончанию рабочего дня все же подошла к Фиме и с каким-то подростковым вызовом предложила:

– Слушай, а пойдем в пятницу на одну закрытую вечеринку. У меня есть два приглашенных.

Фима хотела было спросить: «С чего это вдруг ты решила меня позвать? Неужели тебе не с кем больше пойти?», но услышала в ухе уже знакомый шорох, который сложился в слова: «соглашайся без лишних вопросов».

– Пойдем! Так здорово! – с энтузиазмом воскликнула Фима. – А что туда нужно надевать? Знаешь, я ни разу в жизни не была на закрытых вечеринках... Я вообще ни разу не была ни на одной вечеринке. – Добавила после паузы она.

Шурочкины большие глаза стали еще больше.

– Бедный ребенок. Пора бы уже взрослеть. По поводу одежды – позже обсудим, я сама еще не знаю.

– Чудеса. – Уже привычно подумала Фима и живо себе представила, как Вася подговаривает Шурочкиного ангела-хранителя, чтобы он внушил ей идею позвать Фиму на вечеринку. Ей даже показалось, что она услышала знакомое ангельское хихиканье.

Ночью, когда Фима уже лежала в постели с томиком Довлатова на нежной девичьей груди, глядя в потолок со счастливой улыбкой, и вспоминала события минувшего дня, рядом с ней в постели вдруг появился Вася. Фима завизжала.

– Тихо, тихо – это же я, Вася!

– Ты можешь появляться как-нибудь менее... эффектно? – возмущенно поинтересовалась Фима, когда пришла в себя. – И вообще, что ты делаешь в постели невинной девушки?

Если бы я не знала, что ты ангел, я бы подумала, что ты сексуально-озабоченный подросток! Посторонний мужчина в моей постели! Мужчина, которого я знаю всего второй день! С ума сойти!

– Просьба – без оскорблений! Никакой я тебе не мужчина. Не нужно сравнивать меня с этими похотливыми безответственными животными! Я ангел, а не мужчина! Я только внешне на них похож. Одна из причуд нашего самого главного шефа – сотворить вас похожими на нас. Или нас, похожими на вас. Он уже и сам не помнит, кого сотворил первым.

Фима перевернулась на бок, подперла голову ладонью и с любопытством наблюдала за Васей. Она воображала, что он настоящий мужчина, и пыталась себе представить, как бы она себя чувствовала в постели с мужчиной. Наверное, было бы хорошо заниматься с ним любовью на этой кровати, вместе смотреть фильмы и читать книжки, разговаривать, смеяться...

– Но-но, барышня! – вдруг завопил Вася и вывел Фиму из состояния блаженной мечтательности. – Бросьте свои порочные мысли. Побойтесь Бога, я же ангел, а она о чем думает! стыдно, барышня, стыдно! – Вася даже пальцем погрозил строго.

Фима покраснела.

– Ладно уж, – смягчился Вася, – привыкай к мысли, что твоя постель не всегда будет пустой и холодной.

– Это ты сейчас гипотетически рассуждаешь или делаешь официальное предсказание, что я, наконец, влюблюсь?

– Вот женщины! Все им романтические бредни. Все им любви... – Вася помолчал. – Кстати, давно хотел тебя спросить, а как ты живешь без секса?

– А ты?

– Я? Странный вопрос. Нам, ангелам, секс не нужен. Мы выше всей этой мышинной возни. Бред какой-то: двое елозят друг на друге, мажут друг друга слюнями, потеют, пыхтят, сопят, стонут, визжат, кричат. Вместо лиц какие-то жуткие гримасы, как у грешников в аду. Кошмар. Бррр... – Васю даже передернуло. – И при этом вы, люди, без этого не можете жить.

– А ты, Вася, ханжа. А вчера хорохорился: я тебя плохому научу, плохому научу! А сам? Слушай, а я ведь тоже без секса легко обхожусь. Нет и не надо. – Печально сказала Фима. – А, может, я тоже ангел?

Вася хихикнул.

– Должен вас огорчить, барышня. Ты не ангел, ты просто маленькая закомплексованная дурочка. Хотя ангельского в тебе много. – Он критически осмотрел Фиму. – Ангельская красота, например, и ангельский нрав, и ангельский голос... – Вася задумался. Слушай, а ведь ты права! Ты ангел! Только заключенный в земную оболочку.

Оба примолкли. Фима вдруг подумала, что в настоящей ангельской Васиной душе шевельнулись сожаления, что он ангел и не способен на человеческие чувства. Например, не способен влюбиться. Хотя и обычный человек Фима на это тоже, кажется, не способна. Она вдруг почувствовала, что Вася жалеет, что он не может влюбиться именно в Фиму.

– Серафима, ангел мой, не наглей. Не надо читать мои мысли. Это неприлично. Так юные воспитанные барышни себя не ведут. Это прерогатива старых циничных ангелов.

Они снова примолкли. И каждый думал о своем.

– Это ты все сегодня придумал, старый проказник? – спросила Фима, уже засыпая.

– Конечно, я.

И Фима заснула, свернувшись калачиком со спокойной улыбкой на прекрасном лице, и странный шорох в ее ушах складывался в такой красоты колыбельную, какой еще никто и никогда на земле не слышал. А Вася снова исчез.

4

На следующий день Фиму пригласили на коллективное предобеденное чаепитие рекламного отдела. Раньше коллеги этого никогда не делали. Утром, когда Фима ехала на работу, злясь на идиотов – пешеходов, которые так и лезли под колеса, и придурков – водителей, которые едут по каким-то собственным, только им ведомым правилам, и алчных гаишников, которые стояли в самых неподходящих местах в своих обманчиво-оптимистичных салатовых жилетах, знакомый уже шорох, вдруг раздавшийся в ушах, посоветовал ей заехать в магазин и купить что-нибудь к чаю. Она снова мысленно возмутилась, что ей не доверяют и не позволяют самой принимать решения, но в магазин все же заехала и купила коробку конфет. Когда ее пригласили на чай, она оценила ясновидение своего ангела... Или его умение влиять на события? Фима окончательно запуталась. Словом, когда ее пригласили на чай, она пришла с коробкой конфет, а конфеты в рекламном отделе любили, и к людям, приносящим им конфеты, относились заведомо неплохо. Дамы участливо справились о Фимином здоровье, настроении и делах, ответа, впрочем, не дослушали и принялись увлеченно обсуждать своих детей, мужей, свекровей, наряды и косметику. Фиме было скучно, но шорох в ее ушах властно приказал изобразить интерес и принять участие хотя бы в косметической и модной части разговора. И Фима втянулась и узнала, что дети болеют, не слушаются, дерзят, хулиганят и плохо учатся; мужья лентяйничают, мало зарабатывают, пьют, ходят налево и направо, много требуют, ничего не давая взамен. Как ни странно, о жизни и людях Фима имела представления самые смутные. Жизнь от Фимы усердно прятали родители, а люди сами прятались от Фимы. Так что жизнь ей была известна лишь в хорошо отредактированном книжном варианте. Мужчины там были либо негодьями, либо героями. Никаких полутонов. Фима после этого разговора даже задумалась вопросом: а зачем, собственно, она так стремится, чтобы в ее жизни появился мужчина? Ничего хорошего от него все равно ждать не приходится, так не проще ли по-прежнему быть одной? Тем более, что у нее есть такой дивный, смешной ангел. «Ты мне эти глупости брось, никакой я не смешной, и не положено нам долго быть видимыми и слышимыми, так что на меня в качестве спутника жизни не рассчитывай». – Тут же услышала она шорох в ухе. Фима вздохнула. «Жаль», – подумала она. «Жаль», – прошуршал ангел.

После обеда позвонила Леночка.

– Жива? – недовольно поинтересовалась она.

– Жива. – Ответила Фима.

– Вот и замечательно, так лень было к тебе тащиться. Тебе лучше?

– Значительно.

– Отлично, а у меня все хреново...

И Фима в течение четверти часа слушала Леночкины причитания по поводу начальника, который ее не ценит и не уважает, всячески ущемляет и перекрывает пути для творческого и карьерного роста, про Леночкиного бывшего, который отказался сходить с ней в кафе и выяснить отношения только потому, что его, видите ли, не отпускает жена, а раньше он на такие мелочи внимания не обращал.

Фима слушала, и ей тошно было слушать, и она думала, что, наверное, дружба вот это самое и есть: слушать, когда тебе тошно слушать и совсем не хочется слушать, но хочется, чтобы близкому тебе человеку стало легче хотя бы от того, что ты его выслушал. И Фиме было больно от того, что никто не желал выслушать ее саму.

Шурочка пригласила Фиму на обед. Поехали, конечно же, на Фиминой машине в одну кафешку, где подают суши – Шурочка была на перманентной диете.

За роллами с угрем Шурочка начала рассуждать, насколько такая вопиющая красота как у них с Фимой мешает жить.

– Ну, ты меня понимаешь, – говорила Шурочка, – потенциальное начальство относится подозрительно. Оно полагает, что природа, одарив такой красотой, не могла расщедриться еще и на незаурядный ум или талант. Или опасается конкуренции – умная и при том красивая женщина – это серьезный противник. Коллеги завидуют. Ну, не верят они, что с такой красотой можно быть неудачливой в любви или одинокой. Партнеры относятся скептически: не доверяют они красивым женщинам, считают их дурами. Когда понимают, что ты все же не дура, тоже начинают опасаться. Мужчины – это отдельная тема. Если они все же решатся к тебе подойти, познакомиться и завязать отношения, что считается верхом смелости, они уже на пятом свидании начинают паниковать на тему, что ты их умнее и успешнее. Тут же всплывают и начинают проявляться со всей силой все их комплексы. То есть если бы ты была просто красавицей и при этом душой набитой, их бы все устраивало, они бы чувствовали себя королями, а ты была бы девочкой, которая идеально им подходит и соответствует их положению в обществе – симпатичная пустышка с длинными ногами, тонкой талией и смазливой мордашкой. Ничего больше, только статусная оболочка. Когда мужчины обнаруживают за подходящей оболочкой еще и личность, они пугаются. Ты знаешь, иногда я даже упрекаю Господа Бога, что он слишком щедро меня одарил. Иногда я говорю ему: Господи, почему ты не дал мне либо меньше красоты, либо меньше ума? У меня ни разу не было счастливой любви – все мужчины меня боялись. Таким как мы подойдут только мужчины состоявшиеся и очень уверенные в себе, а таких мало. Я так устала от беспросветного одиночества! Я так хочу влюбиться без оглядки и до беспамятства, и чтобы также влюбились в меня. Так я только в юности влюблялась, когда еще ничего не понимала.

Шурочка замолчала, затянулась сигаретой, отпила большой глоток зеленого чая. В уголках глаз сдержанно сверкнули слезы.

– Знаешь, а я еще вообще ни разу в жизни не влюблялась, и никто не влюблялся в меня. Тебе может показаться это нескромным, но иногда, когда я смотрюсь в зеркало, мне кажется, что мужчины должны сражаться из-за меня, драться на дуэлях. А меня никто даже на свидания не приглашает. Ты права, красота, в сочетании с умом настолько страшная сила, что никто не решается с ней связываться.

Шурочка посмотрела на Фиму с нескрываемым сочувствием:

– Только не говори мне, что ты еще и девственница.

– Ладно, не скажу. Только я даже не целовалась еще ни разу.

Шурочка посмотрела на Фиму с ужасом.

– А я-то, дуручка, еще тебе завидовала. Нужно срочно тебя портить. Ты слишком хороша для человека. Ты просто ангел.

Вечером в Фимину дверь позвонили.

Это было неожиданно – в гости к ней никто не ходил.

Фима подозрительно спросила:

– Кто там?

Она посмотрела в глазок. Единственное, что она отчетливо поняла, – перед дверью стоял мужчина.

– Сима, пожалуйста, откройте, – ответили ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.